

О. С. Михайлюченко
Петрозаводск

DOI: 10.15393/j9.art.2011.328

КОНЦЕПТ «СЕРДЦЕ» В ВОЕННЫХ РАССКАЗАХ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

В художественном языке Андрея Платонова исследователи выделяют «систему языковых лейтмотивов»¹, которая позволяет читать его произведения «как некий единый огромный текст»². Одним из центральных лейтмотивов у Платонова является «сердце». Несомненна связь данного концепта с библейской традицией. Как отмечает Н. Ашимбаева, «собранные вместе библейские изречения о сердце являют чрезвычайно выразительную, разностороннюю и “полифоничную” картину человеческого бытия в единстве его полярных начал»³. Эта мысль по-разному и касательно различных этапов творчества высказывалась А. Дырдиным, И. Кирилловой, Н. Малыгиной, М. Михеевым, С. Семеновой, И. Спиридоновой⁴. Частотность употребления лек-

семы «сердце» в произведениях 1941—1945 годов (лишь в сборнике «Одухотворенные люди»⁵ 208 словоформ на 41 рассказ) подтверждает интерес писателя к сердцу как к центру человеческого бытия. Однако специальных работ, посвященных анализу этого концепта, его отдельных семантических реализаций и функций в структуре военных рассказов, нет. Попытка такого анализа в контексте христианской традиции предпринята в данной работе.

Общая тема военной прозы Платонова, как и в целом литературы Великой Отечественной войны, — трагедия войны и героизм русского народа, защищающего свое Отечество. «Увидеть победу», «приблизить время победы» («Одухотворенные люди»), «поспешить к победе» («Смерти нет»), открыть «тайну победы» — таковы устремления большинства персонажей военных рассказов. Понимание войны как «работы», «труда победы» реализуется в связи с концептом «сердце». Русский человек в буквальном смысле живет и воюет сердцем. «В бою действуйте своим оружием, как сердцем, без натуги»⁶, — наставляет бойцов офицер Простых из рассказа «Сын народа». «Привычная рука и чуткое сердце Цибулько [пулеметчика] действовали точно» (72). Сердце — главное орудие не только в битве, но также в мирном труде («Этот старик... еще до войны сумел своим сердцем добыть из местной отоцалой почвы... тучный урожай льна и конопли» — «Рассказ о мертвом старике», 8). Метафора «сердце — орудие» — частное решение мотива

Русская литературная классика XX века: В. Набоков, А. Платонов, Л. Леонов: Сб. науч. тр. Саратов, 2000; Малыгина Н. М. Система образов-символов в творчестве Платонова // Малыгина Н. М. Андрей Платонов: поэтика «возвращения». М., 2005; Михеев М. Ю. В мир Платонова через его язык. Предположения, факты, истолкования, догадки. М.: Изд-во МГУ, 2002; Семенова С. Россия и русский человек в пограничной ситуации: Военные рассказы Андрея Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 4. М., 2000; Спиридонова И. А. О природе «сокровенного» в творчестве А. Платонова // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 2005. Вып. 7. С. 513—524.

⁵ Платонов А. Одухотворенные люди. М., 1986.

⁶ Он же. «Сын народа» // Платонов А. Одухотворенные люди. М., 1986. С. 287. Далее цитаты из рассказов Платонова приведены по этому источнику. В скобках текста статьи указана страница. Курсив в цитатах наш.

© Михайлюченко О. С., 2011

¹ Debüser L. О некоторых языковых лейтмотивах на первых двух страницах романа Платонова «Чевенгур» // Sprache und Erzählhaltung bei Andrej Platonov. Bern, 1998. С. 87.

² Карасев Л. В. Знаки покинутого детства. «Постоянное» у А. Платонова // Карасев Л. В. Движение по склону. О сочинениях А. Платонова. М., 2002. С. 9.

³ Ашимбаева Н. Т. Сердце в произведениях Достоевского и библейская антропология // Достоевский в конце XX века: Сб. ст. М., 1996. С. 379—380.

⁴ Дырдин А. Потаенный мыслитель. Творческое сознание Андрея Платонова в свете русской духовности и культуры. Ульяновск, 2000; Кириллова И. В. «Ум» и «сердце» в прозе А. Платонова 1920-х годов //

«вооружения духом» («Вооружать человека духом надо непрерывно» — «Размышления офицера», 74), в развитии которого семантическое поле концепта «сердце» обнаруживает и другие значения.

Одно из таких значений в повествовании военных рассказов возникает благодаря приему олицетворения, персонализации. В русском языке «сердце» — частотный компонент фразеологизированных высказываний. Они активно используются Платоновым в характеристике персонажей: обмирало сердце; заболело сердце; подруга сердца; принимать близко к сердцу. Однако в некоторых случаях происходит «остранение» устойчивого выражения: «Ты добрый стал, у тебя к нужде и народу сердце теперь прилегло», — говорит о своем муже крестьянка в рассказе «Крестьянин Ягафар» (42). Благодаря синтаксической и семантической инверсиям⁷, общеупотребительное выражение «отлегло от сердца» утрачивает сему безличности, типичную для русского языка⁸, и сердце в этом контексте определяется как фактор духовного роста героя: он стал добрым, потому что его сердце обрело способность «прилегать» к народу. Прием олицетворения поддерживается во всем повествовательном пространстве военных рассказов в лексико-семантической структуре высказывания. Лексеме «сердце» нередко сопутствуют глаголы ментального, волеизъявительного, эмоционального семантических полей: плакать, чувствовать, тронуться печалью (=печалиться), болеть, горевать, привыкать, ненавидеть и т. д.

Закрепляясь на уровне «низших форм» (Е. Толстая-Сегал), персонализация сердца становится устойчивым приемом в сюжетной и образной структурах рассматриваемых произведений. Герои вступают с собственным сердцем в «субъектно-субъектные» отношения:

...у себя только забыл учиться — у своего сердца забыл («Крестьянин Ягафар», 44).

⁷ В трансформированном речевом клише лексема «сердце» приобретает окказиональную синтаксическую функцию — из дополнения становится подлежащим. На лексическом уровне новая семантика высказывания возникает благодаря смене приставки *от-* на антитетичную *при-* с сохранением в целом формы словообразования.

⁸ Арутюнова Н. Язык и мир человека. М., 1998. С. 792.

Часто сердце как самостоятельный субъект руководит поступками героев. В рассказе «Маленький солдат»:

Он не хотел разлуки, а сердце его не могло быть в одиночестве, оно боялось, что, оставшись одно, умрет (158).

В синтаксическом плане сложное предложение состоит из трех простых; субъектом одного из них является мальчик (*он*), субъектом двух других — сердце (*сердце, оно*). И если синтаксически два субъекта равнозначны (соединительный тип связи), то на уровне повествовательной структуры очевиден сдвиг в сторону сердца как субъекта более важного. Данное предложение содержит две точки зрения — мальчика («не хотел разлуки») и сердца («оно боялось, что, оставшись одно, умрет»). Именно «точка зрения» сердца в контексте рассказа становится мотивацией и объяснением поступка (бегства) мальчика: герой уходит скитаться по дорогам войны вслед за дорогим его сердцу человеком (Ср. второе название рассказа «Житейское дело (Следом за сердцем)»). Духовная доминанта сердца в платоновском повествовании определяет модель восприятия жизни:

...сердце его [Кирея], увидев смерть Доброй Пожвы, наполнилось горем» («Сампо», 108).

В мотиве «смотреть на мир сердцем» прослеживается евангельский подтекст. В Евангелии от Иоанна так говорится о народе, не способном обрести Благодать Божию:

Народ сей ослепил глаза свои и окаменил сердце свое, да не видят глазами, и не уразумеют сердцем (Ин. 12:40).

В рассказе Платонова «Простодушие» библейская истина перифразируется повествователем:

...нужно напрягать зрение и сердце, чтобы разглядеть истину во тьме и вдали.

Персонализация сердца абсолютизируется в метонимии «человек-сердце». Сердце — не просто «субъект в субъекте». Человек в своей глубинной и лучшей сути — и есть сердце. Именно так понимают отдельного человека и персонажи военных рассказов, и повествователь. Вот как видит бой командир Агеев:

Агеев увидел... безмолвие и мучительное напряжение человеческих сердец» («Оборона Семидворья», 154).

Аналогично в «Одухотворенных людях»:

Комиссар оглянулся на моряков: они лежали неподвижно, железная смерть пахала воздух низко над их сердцами, и души их хранили самих себя (45).

Схожа с точкой зрения героев позиция повествователя:

Труден путь для живого сердца в этом невидимом, жалобно поющем потоке свинца («Смерти нет», 129).

Метонимия в данном контексте не просто определение целого через его часть. Она переводит осмысление боя и — шире — войны в онтологический, метафизический план: это битва «живых сердец», жизни против смерти:

...сама гнетущая смерть сейчас... падет в бессилии на землю по воле одного его сердца («Броня», 76).

Библейское понимание сердца в военных рассказах проявляется также в соединении физического и духовного аспектов. С одной стороны, «сердце» — «источник жизни» (Притчи, 4:23) в буквальном смысле: «Иван Красносельский пал на землю с сердцем, разбитым свинцом» (герой умирает от пули в сердце — «Одухотворенные люди», 74). С другой стороны, в ряде случаев реализуется метафорический смысл библейского образа: сердце — источник духовной жизни. Так, герой рассказа «Седьмой человек» Гершанович жив физически, но мертв духовно. «Зачем я живой, раз в земле мое убитое сердце?» — говорит он о своих мертвых детях (228). Самым важным в художественном осмыслении войны для Платонова оказывается внутренняя, «сокровенная» жизнь каждого человека. Русский солдат в широком контексте военных рассказов предстает как «сокровенного сердца человек» (I Петр. 3:4). Включенное в портретную и психологическую характеристику героев, «сокровенное сердце» в экстремальных обстоятельствах войны открывает себя как «внезапное»:

...жизнь — где она одухотвореннее и сластнее, как не в... мгновенном движении сердца и в осуществлении его решения? («Броня», 26).

Именно «мгновенные движения сердца» реализуют его готовность к жертве и подвигу.

«Сокровенная» жизнь сердца парадоксально соединяет противоположные векторы — любовь и ненависть («Фильченко... принял лицом к земле с последним вздохом любви и ненависти» — «Одухотворенные люди», 76). Русский солдат обладает добрым, кротким сердцем, но в ситуации войны оно вынужденно становится «твердым», «ненавидящим», «сердитым», «яростным», «жестким». Это проявляется уже в портрете персонажей:

...слегка багровое лицо его, точно раз навсегда заржавленное, постоянно имело угрюмое выражение, сохраняя невидимыми за мрачным лицом доброту его сердца и кроткий нрав («Броня», 17)⁹.

Драматическое соединение/столкновение полярных по этическому содержанию чувств в сердце героев связано с особенностью философского осмысления Платоновым войны, которая была отмечена еще в прижизненной критике военной прозы писателя:

...в мире созрело зло; оно обнаружило себя в войне...¹⁰

Это ощущает герой рассказа «Крестьянин Ягафар»:

Бабай чувствовал нарастающее всемирное зло по людям, по томлению их мысли, по содроганию их тихих сердец, все более скупо берегущих свое счастье (73).

Эпитет «тихое», «скупое» находится в одном семантическом ряду с определениями, сопутствующими характеристике врага — «слабое», «засыхающее». Неприятель в народном, солдатском представлении также наделен серд-

⁹ «Воспитание» ненависти стало одной из важных задач, реализуемых писателями в творчестве военного времени. Об этом свидетельствуют уже названия очерков и статей: «О ненависти» (И. Эренбург), «Слово ненависти» (А. Твардовский), «Я призываю к ненависти» (А. Толстой) (Саватеев В. Я. «По путям-дорогам фронтовым» // «Идет война народная...». Литература Великой Отечественной войны (1941—1945). М., 2005. С. 16—17). При общем соответствии основным мотивам данной литературы у Платонова все-таки очевидно смещение акцентов от ненависти к добру: «А ты еще серчаешь на зло, а кто серчает на него, у того сердце твердое, хорошее» («Крестьянин Ягафар», 38).

¹⁰ Цит. по: Корниенко Н. В. История текста и биография А. П. Платонова (1926—1946) // Здесь и теперь. 1993. № 1. С. 284.

цем, но с отрицательной коннотацией: «...у них сердце кишками кругом обмотано» (28), «негодный человек слаб на душу и настоящей силы в сердце у него нет» («Рассказ о мертвом старике», 32).

В косвенной оппозиции мотивов «тихого» (скрытого, несуществленного) и «обнаженного» (явленного) сердца обнаруживается неоднозначное понимание Платоновым войны. «Тихие» сердца — примета всемирного зла, и эта негативная характеристика закреплена не только за врагом, а за человеком вообще («чувствовал по людям»). Фашизм, по Платонову, лишь историческое воплощение «вечной войны»¹¹ и вечного зла. Для того чтобы одолеть зло, необходимо «живое», «обнаженное» сердце.

Частое у Платонова противопоставление рассудка и сердца заменяется в военных рассказах понятием «пустоты» и «наполненности» сердца. «Ум растет у человека из сердца, а у немца сердце пустое, и туда Гитлер свою начинку положил», — говорит командир Агеев («Смерти нет», 139). «Засыхающее от страха» («Неодушевленный враг»), сердце врага обрекает его на поражение, так как оно «пустое», в нем нет «духа веры» («На Горынь-реке»). Мотив «сердечной пустоты» присутствовал уже в раннем творчестве Платонова. В характеристике главного героя романа «Чевенгур» «пустота» сердца связана с отсутствием веры, Благодати¹²:

В семнадцать лет Дванов еще не имел брони над сердцем — ни веры в Бога, ни другого умственного знания¹³.

Лексическая параллель этих строк с рассказом 1942 года «Броня» восстанавливает связь концепта «сердце» с его духовно-религиозным содержанием:

...самое прочное вещество, оберегающее Россию от смерти, сохраняющее русский народ бессмертным, осталось в умершем сердце этого человека (28).

«Броня» веры в «Чевенгуре» находится над сердцем, ограждая его от внешнего зла. В рассказе военного време-

¹¹ Платонов А. Записные книжки. М., 2000. С. 237.

¹² Спиридонова И. А. Мотив сиротства в «Чевенгуре» А. Платонова в свете христианской традиции // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков. Петрозаводск, 1998. С. 525.

¹³ Платонов А. Чевенгур. М., 1991. С. 71.

ни мы видим принципиально иное понимание человека: «сокровенное сердце» — *сосуд брони [духа]*, охраняющей Родину.

С мотивом «полного» сердца (в противоположность «пустому») связана метафора питания души/сердца. Н. Арутюнова пишет, что в русском языке «сердце» часто определяется как сосуд, который наполняется «влажгой» чувств. Эта ассоциация, по мысли В. Виноградова, восходит к библейскому символу Чаши бытия¹⁴. У Платонова концепт «сердца», возможно, также связан с евангельской метафорой питания души «духовным хлебом». В Евангелии от Иоанна Иисус говорит иудеям:

Я — хлеб живой, спешший с небес: ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую я отдам за жизнь мира (Ин. 6:51).

Хлеб истинной веры, о которой говорит Христос, — одухотворяющая сила, дарующая бессмертие душе. По понятным причинам не отсылая буквально к религиозному контексту, метафора питания сердца в платоновских рассказах напрямую связана с темой одухотворенности. Не случайно активнее всего она выражена в рассказе «Одухотворенные люди»:

Он [солдат] хочет, чтоб и на фронте его сердце питалось чувством привязанности, а не оставалось грустным и пустым... его хранила любовь к своей невесте... к странному тихому существу, питавшему сердце моряка мужеством и спокойствием (59).

Необходимость «питания» сердца формирует потребность в контакте с людьми, в связи с этим в повествовании появляются полярно маркированные эпитеты «неразлучное сердце» и «разъединенное сердце». «Неразлучность» определяет единство, в котором «каждое человеческое сердце соединяется с другим сердцем, чтобы общей большой силой сохранить себя и каждого от смерти» («Одухотворенные люди»). В онтологическом конфликте жизни и смерти «сокровенное сердце» русского человека только тогда становится оружием, одолевающим смерть, когда оно напол-

¹⁴ Арутюнова Н. Указ. соч. С. 389.

нено одухотворением и любовью. В этом, по определению героя-рассказчика в рассказе «Броня», и состоит «тайна победы»:

...сердце есть оружие, и его бывает достаточно для победы, когда его одухотворяет благодарная любовь к родной кормящей земле (19).

Смысл и сущность народного единения в войне — один из важных аспектов размышлений Платонова о русском народе и тайне его победы. Идея любви к Родине, земле и ближнему раскрывает другой уровень понимания темы народного единения. С. Семенова пишет:

Сердечный человек... центрированный на своем глубинном, вечном «я», опознано или неопознано связанном с Творцом, по существу тождествен религиозному человеку... в случае с платоновскими героями мы сталкиваемся с душой по сути христианской¹⁵.

Однако более значительно, чем сердце отдельного человека, *единение* сердец всего русского народа, единение, осуществляющее идеальную модель нации в истории. А. Дырдин при анализе лексемы «сердце» в романе «Чевенгур» полагает, что «сердце олицетворяет не столько внутреннее «я» героя, сколько весь совокупный народный организм»¹⁶. В военных рассказах определяющим моментом становится вхождение *отдельного человека* в народный мир, сила которого в единении личностей. Виденье сердца сердцем, которое отмечает в бою командир Агеев («сердца их бились в один лад с его сердцем, сохраняя жизнь и надежду против смерти», 48), персонально. Даже на уровне организации повествования, в котором представление о «сердечности» русского человека поступательно складывается из множества *точек зрения отдельных персонажей*, воплощается идея со-знания, со-чувствования и «общего дела» (Н. Федоров) русских людей. Если в ранней прозе Платонова, как отмечает И. А. Спиридонова, «сиротствующие» герои одержимы «жаждой соборности», которую тщетно пытаются реа-

¹⁵ Семенова С. Указ. соч. С. 143.

¹⁶ Дырдин А. Указ. соч. С. 65.

лизовать в... гражданской войне¹⁷, то в военных рассказах ситуация противостояния смертельной угрозе фашизма в Великой Отечественной войне выявляет соборность русского народного сознания. И. А. Есаулов одним из лучших определений соборности называет высказывание А. С. Хомякова:

...единство... органическое, живое, начало которого есть божественная благодать взаимной любви¹⁸.

В русле православного учения развивается тема любви у Платонова. Наиболее показателен здесь финал рассказа «Смерти нет». В структуре рассказа изначально противопоставлены два персонажа — Агеев, олицетворение сердечной жизни, который «чувствовал горе от потери своего бойца всегда: убил ли он перед смертью пятерых врагов или не убил» (147), и Сычов, представляющий рассудок, который «считал лишь дела, а не души, и гибель двоих немцев против смерти одного русского полагал мерой правильной» (147). В конце рассказа происходит перерождение «рассудочного» героя, пробуждение в нем сердца:

...он не мог стерпеть в себе *грустной любви к умершему*, которой он прежде не чувствовал... (158)

Без сердечной любви невозможно истинное «единодушие»¹⁹ людей, необходимое, по Платонову, для победы над врагом. Именно так формулирует тайну победы боец Афанасьев («Прорыв на запад»):

...он рассказал нам тайну победы, тайну *взаимодействия* народа и армии. Иначе говоря, тайну труда и любви народа... и впечатлительного, благодарного солдатского сердца, отвечающего своему народу отвагой и подвигом (294).

В понятие соборности органично вовлекается идея народной памяти. «Сердечная» связь бойцов на фронте — лишь одно из проявлений духовного единения сердец всего народа. Сохранить память о каждом — мысль, дорогая

¹⁷ Спиридонова И. А. Мотив сиротства в «Чевенгуре» А. Платонова в свете христианской традиции. С. 527.

¹⁸ Цит. по: Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск, 1995. С. 17.

¹⁹ Зеньковский В. Принципы православной антропологии // Русское зарубежье в год тысячелетия Крещения Руси. М., 1991. С. 115.

как автору, так и его героям. «Затанцуют, затопчут память о войне», — пишет Платонов в записных книжках²⁰. «Много еще работы будет на свете и после войны, после нашей победы, если мы хотим, чтобы мир стал святым и одушевленным, если мы хотим, чтобы сердце красноармейца, разорванное сталью на войне, не обратилось в забытый прах...» — так размышляет боец Одинцов («Одухотворенные люди», 57). Протоиерей Василий Зеньковский в статье «Принципы православной антропологии» обязательной составляющей понятия «соборность» называет «идею метафизического единства человечества (взятого в целом — вне границ времени и пространства)», которая связывает отдельную личность не только с «живым в данный момент составом народности», но и с «бесчисленными поколениями в прошлом»²¹. В художественном мире военных рассказов Платонова сердце обеспечивает связь поколений: солдат жив, пока живо его сердце, но он жив и после смерти — в сердцах других людей. Идя на смерть, бойцы стремятся «запомнить» друг друга сердцем: они «словно брали к себе в сердце друг друга, чтобы не забыть и не разлучиться в смерти» (76). Этим же одушевляет на битву своих бойцов командир Агеев («Оборона Семидворья»):

Лишь бы нам сберечь от врага наш народ, а в нашем народе есть сердце, и в нем будет память о нас (147).

Великая Отечественная война стала для Платонова временем великих потерь и открытий. В критической, смертельной ситуации противостояния жизни и смерти писатель напряженно размышляет о тайне победы и русского народного характера, обращаясь к анализу глубинной сути русского духа и души. По наблюдению А. Дырдина, относящемуся к ранней прозе Платонова, «исходной идеей писателя стала сердечная глубина человека, которая получила у него форму сокровенного, метафизического начала — духовной меры личности»²². «Сокровенная» жизнь сердец в их любовном единении в военных рассказах Платонова понимается как залог победы. Она примиряет

²⁰ Платонов А. Записные книжки. С. 275.

²¹ Зеньковский В. Указ. соч. С. 134—135.

²² Дырдин А. Указ. соч. С. 65.

жизнь и смерть, придает оправдательный смысл ужасу убийства и открывает в нем нравственную опору:

...в этом свирепом беспорядочном смятении лишь одно было неподвижно и верно и давало смысл всему видимому ужасу — действующее сердце нашего солдата, умерщвляющего близкое в упор надвинувшееся живое злодейство («Одухотворенные люди», 247).

Принося горе и разрушение, война, по Платонову, парадоксальным образом обнаруживает до поры скрытые достоинства человеческого духа. В суровой «работе» войны единство «одухотворенных» людей обуславливает приращение сердца и дает надежду на будущее, в котором «человечество проснется, и будет опять хлеб у всех... люди будут опять простыми, и душа их станет полной...» («Одухотворенные люди», 56).